
А. Н. Рыжов

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ РОССИЙСКОГО ДВОРЯНСТВА В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Статья поступила
в редакцию
в сентябре 2009 г.

Вторая половина XIX в. в России характеризовалась рядом социально-экономических изменений, среди которых важное место занимали процессы трансформации основных сословий, и прежде всего дворянства. В связи с идейным расслоением дворянского сословия сформировался целый спектр взглядов на развитие образования в стране. Общим для всех дворян оставался интерес к получению классического образования. В статье рассмотрены основные вехи формирования дворянского сословия в России и предпринята попытка выделить особенности образовательных приоритетов разных групп российского дворянства в последней четверти XIX — начале XX в.

Аннотация

Ключевые слова: история образования; образовательные приоритеты; дворянство; сословные ценности; классическое образование.

Российскому дворянству посвящено значительное число работ, в которых рассматриваются самые различные аспекты его становления, в частности взаимосвязь социально-экономического и культурного развития дворянского сословия в конце XIX — начале XX в. Авторы этих исследований зачастую приходили к достаточно односторонним выводам о якобы имевшем место экономическом и политическом оскудении российского дворянства и, как следствие, утрате им интереса к классическому образованию [54; 15; 2; 10] и связывали эти явления с промышленным ростом, усилением позиций буржуазии и общим кризисом всей системы образования в стране, вызванным новыми социально-экономическими реалиями. Подобная точка зрения объясняется, вероятно, историографической традицией, берущей свое начало еще на рубеже XIX–XX вв. [61; 1].

Дворянское сословие имело довольно длительную традицию службы государству и сформировавшуюся при этом сословную

систему ценностей, однако это не исключает особенностей в понимании задач такой службы каждым из представителей дворянства. Весьма неоднозначное отношение в среде дворянства в последней четверти XIX — начале XX в. было и к получению классического образования как необходимому условию дальнейшей службы государству. В связи с этим представляется важным обратиться к рассмотрению образовательных приоритетов российского дворянства, их особенностей у представителей различных идейных течений внутри сословия. В историографии сложилось традиционное деление представителей дворянства на «революционных демократов», «либералов» и «консерваторов», и отнесение той или иной личности к одной из этих групп предопределяет ее взгляды и предпочтения. Однако источники показывают, что образовательные приоритеты нередко совпадали у идейных противников и отличались у потенциальных союзников внутри самого сословия. Наиболее характерным периодом в этом отношении были последняя четверть XIX — начало XX в., когда происходило активное пополнение дворянства представителями других слоев населения, а сами дворяне нередко порывали с традициями своего сословия.

Становление дворянства в России как государственного-служилого сословия

Процесс формирования дворянского сословия в России занял несколько столетий. Рассмотрение его основных этапов позволит более взвешенно оценить сущность изменений, происшедших с российским дворянством в последней четверти XIX — начале XX в.

В источниках, датированных концом XII — началом XIII в., упоминаются особые лица, служившие при дворе князя [40. С. 89–457]. С XIII–XIV вв. за дворянами стали закрепляться земли великого князя — поместья — на условиях обязательного несения военной службы, а в Судебнике 1497 г. уже упоминается поместник, или помещик [59. С. 13–108; 27. С. 339–374]. В середине XVI в. происходила особенно быстрая консолидация дворянства и усиление его роли в управлении страной. «Уложение о службе» (1555–1556) устанавливало нормы поместного жалования, предписывало составлять списки дворян и детей боярских (дворян в боярских вотчинах), оформляло переход службы в руки дворян и определяло порядок ее отбывания. В итоге дворянство в качестве особого чина было введено в состав Земского собора (1549) и возглавило местное управление [41. С. 267–269]. «Соборное уложение» 1649 г. закрепило за дворянами пожизненное право на поместья, которые при определенных условиях могли стать наследственными владениями и приравнивались по статусу к вотчинам [52. С. 82–89]. В XVII в. дворянство вносилось в специальные разрядные списки, а родословные дворяне записывались в так называемую Бархатную книгу. Общую консолидацию дворянства закрепила отмена местничества (1682), фактически упразднившая служебные привилегии родовитого боярства и подготовившая его поглощение дворянством.

С введением Табели о рангах (1722) дворянство стало подразделяться на личное и потомственное, получаемое по достижении 8-го чина [34. С. 486–493]. Возможность приобретения дворянского звания в соответствии с Табелью о рангах способствовала тому, что дворянское сословие стало активнее пополняться за счет выходцев из других слоев населения в результате продвижения по государственной службе, при этом сохранялась традиция пожалования дворянства по личному усмотрению царя. В первой половине XVIII в. дворянство было обязано служить государству лично (пожизненно с 15 лет) и имущественно (денежные сборы, поставка рекрутов из поместий и др.). По манифесту Петра III «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» (1762) дворяне освобождались от обязательной гражданской и военной службы; состоявшие на государственной службе могли выходить в отставку [35. С. 189–191]. Изданная императрицей Екатериной II «Жалованная грамота дворянству» (1785) увеличивала свободу дворян в выборе характера государственной службы [7]. Эта тенденция усиления свободы в выборе характера государственной службы нашла отражение в реформе образования, осуществлявшейся в 1782–1786 гг. Важными элементами реформы были ее всесословный характер и серьезные попытки направить детей дворян в государственные общеобразовательные школы. К радикальному отказу от домашнего и пансионного обучения эти меры не привели, однако они показали дворянству возможность сочетания общего образования и дальнейшей службы, а также заинтересованность власти в обучении дворянских детей в государственных школах.

Поскольку дворянство формировалось как опора государственной власти и, собственно, составляло эту власть, было бы резонно предполагать, что приоритеты дворянства в образовании совпадали с деятельностью государства в этой области на протяжении последней четверти XIX в. — в начале XX в. Источники, однако, свидетельствуют о том, что вопрос о содержании образовательных приоритетов дворянского сословия не столь однозначен. Расхождению интересов государства и дворянства можно найти целый ряд причин: дворяне — государственные деятели несли ответственность за образование всего населения страны, и нередко их деятельность шла вразрез с интересами собственного сословия; с другой стороны, существовала часть дворянства, которая далеко не всегда поддерживала инициативы правительства даже при их полном соответствии интересам дворянства; наконец, внутри самого сословия отсутствовало единообразие взглядов на развитие образования. Учет этих причин позволит более взвешенно подходить к выявлению приоритетов дворянства в образовательной области.

Сложность выявления образовательных приоритетов конкретного сословия связана с рядом обстоятельств. Во-первых, переход представителей одного сословия в другое изменял ценности и приоритеты этих сословий; во-вторых, поскольку образователь-

ные приоритеты — сумма взглядов на образование отдельного человека, в отношении целого сословия можно делать заключения лишь на основе взглядов большинства или значительной части его представителей; в-третьих, о приоритетах тех или иных представителей дворянства мы судим со слов автора, пишущего о них, поэтому в оценках всегда присутствует определенная доля субъективизма; в-четвертых, взгляды на образование — категория непостоянная, поэтому необходимы некоторые объединяющие их относительно стабильные для целого исторического периода параметры. В качестве таких параметров представляется возможным использовать:

- анализ социально-политических процессов в российском обществе, влиявших на образовательные приоритеты дворянского сословия;
- сведения о представительстве дворян в учебных заведениях России разных уровней и типов в соотношении с динамикой роста самого дворянского сословия в последней четверти XIX — начале XX в.;
- информацию об отношении различных групп дворянства к деятельности Министерства народного просвещения и их собственные предложения в области образования.

Состояние дворянского сословия после отмены крепостного права (1860–1880-е годы)

Отмена крепостного права оказала влияние на специфику роста численности российского дворянства и обусловила некоторые социально-экономические изменения внутри этого сословия. До 1860-х годов рост численности дворян происходил главным образом за счет вхождения в состав России новых территорий. Например, дворяне Малороссии, Белороссии и Литвы, 250974 человека, составляли в 1795 г. 66,2% всего российского дворянства, а в 1816 г. их было 273316 человек, или 63,7% (табл. 1).

Таблица 1

Численность дворянского сословия в России (1782–1897) [47; 57; 28]

Номер ревизии дворянства	Год	Численность дворян			Доля в составе населения России (%)	Без польских территорий (после 1795 г. Малороссии, Белороссии и Литвы)	
		Всего	Потомственных	Личных			
IV	1782	108255			0,79	84066	0,64%
V	1795	362574			2,22	111600	0,77%
VII	1816	429226	84114*	66433*	2,05	155910	0,92%
VIII	1834	435645			1,71	166226	0,8%
IX	1850	419870			1,5	188987	0,82%
X	1858	463968	113093*	93555*	1,49	218429	0,84%
Первая всеобщая перепись населения Российской Империи	1897	887477	583824	303653	1,43	–	–

* Численность приведена без западных губерний и Сибири.

Нетрудно заметить, что численность дворян росла, несмотря на постоянно повышающийся ценз на получение дворянства. Например, с 1782 по 1858 г. дворянство выросло в 4,3 раза (без польских территорий — в 2,6 раза), а все население страны увеличилось в 2 раза, с 1858 г. по 1897 г. — в 1,9 раза при таком же росте населения. Нет оснований утверждать, что рост численности дворян был следствием протекционизма правительства (состоявшего главным образом из потомственных дворян), поскольку оно не было заинтересовано в пополнении своего сословия выходцами из других слоев населения. Одним из важных путей пополнения дворянского сословия в этот период служило образование и определенные ступени научной деятельности, дававшие право как на личное, так и на потомственное дворянство. Еще в 1811 г. было установлено, что все выпускники высших учебных заведений получают чины от 14-го до 10-го класса [37. С. 899–900], так что со временем ряды дворянства пополнялись лицами с университетским дипломом. На военную службу выпускники университетов зачислялись рядовыми, а через шесть месяцев производились в офицеры, получая таким образом потомственное дворянство [36. С. 419, 804]. Лица, успешно защитившие в университетах докторские работы, получали чин 8-го класса и потомственное дворянство [38. С. 620].

В пореформенной России дворянство по-прежнему сохраняло господствующее положение в управлении страной, в том числе и в органах местного управления: предводитель дворянства возглавлял уездное по крестьянским делам присутствие, дворянское собрание избирало неперменного члена губернского присутствия, дворяне возглавляли училищные советы в уезде и губернии, занимали первое место в воинских присутствиях и определяли личный состав мировых судей [33; 53. Ст. 382–384]. В созданных в 1864 г. земствах дворянам также отводилась руководящая роль [32]. В 1880-е годы роль дворянства в местном управлении еще более усиливается. Например, закон 1889 г. о земских участках начальниках (только из потомственных дворян) передал в их руки судебно-административную власть на местах [30]. Земская реформа 1890 г. утвердила их первенствующее положение в земстве. Одновременно правительство принимало меры для улучшения экономического положения дворянства. К ним, например, относилось учреждение Государственного дворянского земельного банка в 1885 г. Укрепление дворянского сословия являлось важным элементом внутренней политики императора Александра III.

Во второй половине XIX в. государство обращало серьезное внимание на участие дворянства в организации народной школы. Например, в высочайшем рескрипте от 25 декабря 1873 г. на имя министра народного просвещения гр. Д.А. Толстого (1823–1889) предписывалось: «Российскому дворянству, всегда служившему примером доблести и преданности гражданскому долгу, по преимуществу предлежит о сем (народном образовании. — *А.Р.*) попечение. Я призываю верное Мое дворянство стать на страже на-

родной школы. Да поможет оно Правительству бдительным наблюдением на месте к ограждению оной от тлетворных и пагубных влияний. Возлагая на него и в сем деле Мое доверие, Я повелеваю Вам, по соглашению с Министром внутренних дел, обратиться к местным предводителям дворянства, дабы они, в звании Попечителей народных училищ в их губерниях и уездах... способствовали ближайшим своим участием к обеспечению нравственного направления этих школ, а так же к их благоустройству и размножению» [22. С. 248]. В период правления Александра III роль дворянства в управлении народной школой сохраняется, что нашло отражение, например, в «Рескрипте российскому дворянству» (1885): «Мы для пользы Государства признаем за благо, чтобы Российские дворяне и ныне, как и в прежние времена, сохраняли первенствующее место... в распространении примером своим здравых начал народного образования» [31].

Рассматривая состояние дворянского сословия после отмены крепостного права, необходимо обратить внимание на рост численности особой группы дворян — дворян-предпринимателей, основным источником доходов которых были торговые и промышленные предприятия. Можно заметить, что торговля и развитие промышленности — такая же служба государству, как и управление страной. Служба вообще всегда являлась категорией нравственной: важно не где служить, а как, поскольку все зависело (и продолжает зависеть) от конкретного человека, его системы ценностей и целей в жизни. Однако значительная часть дворян в пореформенный период уже не рассматривала государственную службу как свою главную задачу. Они видели в ней источник карьерного роста и материального дохода, что вело к постепенному расслоению дворянского сословия [29. С. 89]. Этому процессу в значительной мере содействовало активное пополнение дворянства представителями других сословий.

Активное вхождение в дворянское сословие представителей купечества, предпринимателей, разночинцев было источником беспокойства для потомственных дворян в последней четверти XIX — начале XX в. Интересна в этом отношении книга Р.А. Фадеева² (1824–1883) «Русское общество в настоящем и будущем», основу которой составил цикл статей «Чем нам быть?» В книге речь идет об оскудении дворянства, и автор предлагает правительству воссоздать «связный культурный слой» в виде привилегированного служилого дворянства, открытого для представителей крупного купечества и успешных служащих из среды разночинцев, объективным критерием успеха которых служит материальный достаток [66]. Предлагавшиеся в книге меры, по мнению ряда историков,

² Характерно, что у самого автора — потомственного дворянина — нет систематического среднего образования: он не окончил курс артиллерийского училища. После убийства Александра II (1881) Р.А. Фадеев выступил одним из организаторов тайного дворянского общества экстремистского толка «Священная дружина», созданного для противодействия терроризму.

являлись общеевропейской закономерностью: именно таким путем «обуржуазивания» дворянства и «одворянивания» буржуазии формировалась капиталистическая элита в Англии в XVI–XVIII вв., во Франции и Германии в XIX в. [25. С. 427–459], и Россия, считают они, не избежала такого же пути [3. С. 51–75, 161–168].

Иную точку зрения на роль дворянства в российском обществе представлял известный общественный деятель, организатор обучения наследника престола, будущего императора Александра III князь В.П. Мещерский (1830–1914). В сочинении «Речи консерватора» (1876) он предлагал повысить роль дворянства в российском обществе. Князь высказывался против «чествования не жизни и не полезности труда на земле, а только капитала» и против «обычаев, в силу которых какой-нибудь купеческий дом, торговавший 100 лет под одною фирмою, жалуется в дворянское достоинство, и единственною тому причиною есть столетнее наживание огромных барышей, без всякого отношения к вопросу о жизни, о качествах, о чести и о полезности лица» [18. С. 27–32]. Таких же взглядов придерживались представители дворянства, выступавшие на страницах редактировавшегося В.П. Мещерским «Гражданина» [14. С. 11–12; 55. С. 7].

Опасения дворянства в отношении происходивших в России социальных изменений и их пагубности для престижа образования достаточно образно и лаконично отразил в своих дневниковых заметках потомственный дворянин Ф.М. Достоевский: «Совершенное уничтожение дворянства и дворянского духа осуществится вытеснением их прав или обезземеливанием мелких владельцев, в которых именно и приютились старые знатные роды и дух дворянства, наплывут и сядут на место них толстопузые купцы, которые скупают мелкие имения. Тогда именно прекратится образование. Всякий купец скажет: 1000-летие дворянского духа оказалось, стало быть, пшиком. Пришли и поклонились капиталу-то. Когда я при собственном капитале-то что хочу, то и делаю, очень надо образование, когда сами признали, что деньги выше всего» [11. С. 315].

Постепенно изменялось представление общества и о назначении дворянского землевладения. Многие дворяне начинали рассматривать землю лишь как одну из форм капитала и готовы были переводить его в другую форму, если это им было выгодно. Расставшиеся с поместьем дворяне перебирались в города, становились адвокатами, литераторами, учителями и получали доходы, нередко превышавшие былые доходы от имений. Превращение дворянина в адвоката или предпринимателя чаще всего означало разрыв с традициями своего сословия, такие люди при выборе жизненного пути для своих детей уже не ориентировались на традиционные для дворян виды образования, поскольку у них менялись цели службы и ценностные ориентиры [20. С. 1]. В средних и высших общеобразовательных учебных заведениях страны, как и в середине столетия, сохранялась высокая доля учащихся-дворян, но цели, с которыми они поступали на учебу, отличались от целей, которые преследова-

ли их предки. Все эти изменения не могли не сказаться на формировании идейных течений внутри дворянского сословия и на особенностях их образовательных приоритетов.

Образовательные приоритеты представителей ряда идейных течений в российском дворянстве

«Кузницей кадров» для государственного аппарата России в последней четверти XIX — начале XX в. традиционно являлись Высшее училище правоведения (только для потомственных дворян), юридические и физико-математические факультеты императорских университетов. Более половины министров и товарищей министров народного просвещения в рассматриваемый период имели юридическое образование, а большинство чиновников ЦСУ МВД — математическое. Не менее «дворянский» историко-филологический факультет, как правило, ориентировал выпускников на научную деятельность. Его учебный курс не готовил напрямую к службе в государственном аппарате. Достаточно высокий среди студентов этих факультетов процент дворян отражал предпочтение ими высшего классического образования и стремление к дальнейшей государственной службе (табл. 2).

Таблица 2

Сведения о численности дворян в императорских университетах России (1863, 1880 гг.)

[51. С. 45–46; 64. С. 6, 98, 108, 116, 162–163]

Университет	Факультеты	Численность студентов/из них дворян		Доля дворян в общей численности студентов (%)	
		1863	1880	1863	1880
Санкт-Петербургский	Юридический Физико-математический*	Не сущ. 162/121	641/386 342/205	– 74,7	60,2 60
Московский	Юридический Физико-математический*	680/507 135/93	325/209 192/108	74,6 68,9	64,3 56,3
Харьковский	Юридический Физико-математический*	286/184 48/41	107/64 42/21	64,3 85,4	60 50
Киевский	Юридический Физико-математический*	260/109 119/49	128/86 56/34	42 41,2	67,2 60,7
Казанский	Юридический Физико-математический*	209/109 40/30	88/45 53/26	52,2 75	51,2 49,1

* Отделение математических наук.

В таблице не приводятся данные по Новороссийскому и Томскому университетам, открытым в 1865 г. и 1888 г. соответственно, и Дерптскому университету, выпускники которого в основном служили в провинции.

Сохранение популярности классических университетов особенно показательно в условиях увеличения количества дворянских институтов и кадетских корпусов. В конце XIX в. в стране было 22 кадетских корпуса, и они выпускали ежегодно около 12 000 дворян в военную и гражданскую службу [5. С. 36–62]. В рассматриваемый период дворяне продолжали отдавать предпочтение классической гимназии, окончание которой не только позволяло поступить в университет, но и было первой ступенью в службе: успешно

окончившие гимназию получали 14-й классный чин по Табели о рангах (табл. 3). В целях подготовки молодежи к поступлению в университет и сохранения при этом образовательных традиций дворянского сословия с 1895 г. по инициативе губернских и уездных дворянских собраний повсеместно в России создавалась целая сеть средних воспитательно-учебных заведений — дворянских приютов, находившихся в ведении министерства народного просвещения и дававших классическое образование [48. С. 327–334].

Таблица 3

**Дворяне в классических гимназиях России
в последней четверти XIX — начале XX в.**
[64. С. 122–123, 162–163; 21. С. 38–39, 64–65;
17. С. 46–47, 52–53]

Тип среднего учебного заведения	1880 г.	Доля дворян в общей численности учащихся (%)	1894 г.	Доля дворян в общей численности учащихся (%)	1903 г.	Доля дворян в общей численности учащихся (%)
	Всего учащихся /из них дворян		Всего учащихся /из них дворян		Всего учащихся /из них дворян	
Гимназии МНП	45 256/23 571	52,1	62 863/35 444	56,4	96 469/43 869	45,5

В некоторых классических гимназиях доля дворян в 1880-е годы была выше, чем в среднем по России. Например: Вильно — 72% дворян, Архангельск — 62%, Кострома — 65%, Санкт-Петербург — 62% [65. С. 98, 108, 116]. Интересно сопоставить эти цифры с долей дворян в составе учащихся 1-й Московской гимназии на протяжении более длительного периода (табл. 4).

Таблица 4

**Представители дворянского сословия
в 1-й Московской гимназии**
[58. С. 11, 12, 160, 211–212]

Год	Всего учеников	Дворян (человек)	Доля дворян в общей численности учащихся (%)
1786	105	10	9,5
1801	137	20	14,6
1865	637	497	78
1872	554	383	69,1
1887	564	326	57,8
1904	678	373	55,1

Обращает на себя внимание резкий рост численности дворян и соответственно учеников гимназии вообще к середине XIX в., обусловленный рядом мер правительства по привлечению дворянства в учебные заведения. К числу таких мер относится открытие по гимназическому уставу 1828 г. благородных пансионов при гимназиях. В дворянском пансионе 1-й Московской гимназии в 1831 г. было 44 человека, в 1839-м — 68 человек, в 1845-м — 72 человека [58. С. 98].

Соотнеся сведения о доле дворян в составе учащихся с данными о росте в России численности дворянства и всего населения страны (табл. 1), можно сделать следующие выводы. В период более бы-

строго, чем увеличение всего населения России, роста дворянского сословия происходил и более активный рост доли представителей дворянства в учебных заведениях; при пропорциональном росте населения и дворянского сословия последнее продолжало составлять более половины всех учащихся, получавших классическое образование. Сохранение приоритетности классического образования для российского дворянства вызывало сильную озабоченность тех, кого беспокоила утрата представителями дворянского сословия монополии на государственную службу.

В конце 1890-х годов под нажимом министра финансов С.Ю. Витте (1849–1915), который был активным приверженцем идей Р.А. Фадеева, предпринимались попытки законодательно облегчить доступ предпринимателей в дворянские корпорации. Этот вопрос обсуждался в Особом совещании о нуждах дворянского сословия (1897–1901) под председательством главы кабинета министров И.Н. Дурново (1834–1903), однако инициативы С.Ю. Витте не нашли поддержки у консервативного большинства [54. С. 297–304]. Сам С.Ю. Витте во время одного из заседаний Особого совещания утверждал, что не пройдет и пятидесяти лет, как на первый план в России выступит отдельный богатый класс, подобный тому, который уже управляет Францией, — буржуазия. А дворянство, по мнению оратора, окончательно оскудеет [4]. Столь односторонняя позиция видного государственного деятеля начала XX в. оказала влияние на оценки в исторической литературе позднейшего времени перспектив дворянского сословия в России [12. С. 207–208; 16. С. 28–81; 24. С. 63–66 и др.].

Не только дворяне-политики, но и дворяне-буржуа, принимавшие от государя дворянские дипломы, в начале XX в. активно пересматривали представления о задачах своего сословия. Так, известнейший представитель «класса буржуазии», имевший личное дворянство, П.П. Рябушинский (1871–1924) на Втором съезде промышленности и торговли (1907) отмечал: «Жизнь перешагнет труп тормозившего ее сословия (дворянства. — *А. Р.*) с тем же равнодушием, с каким внешняя вода переливает через плотину» [65]. Подобные настроения были достаточно характерны и для дворян — членов Государственной Думы: «Члены Думы, даже принадлежащие к нашему сословию, стремятся к тому, чтобы наше сословие было уничтожено, и к тому, чтобы дворянство потеряло всякое значение на местах» [22. С. 361]. Весьма показательно, что члены Думы, дававшие торжественное обещание на верность государю, ему поголовно изменили [63. С. 63].

В целом на начало XX в. в дворянском сословии можно выделить по крайней мере три значительно расходящиеся в своих образовательных предпочтениях группы. Во-первых, это представители не только личного, но и потомственного дворянства — члены политических партий различных направлений. При этом взгляды на образование дворян у руководителей партий всего спектра были практически одинаковы (табл. 5). Во-вторых, деятели «Объединен-

ного дворянства» — организации, созданной в 1906 г. в целях сохранения традиций дворянского сословия и противопоставлявшей себя деятельности политических партий в стране. В-третьих, дворяне — государственные деятели, стоявшие вне политических группировок и партий и считавшие, что интересы общества в целом выше корпоративных дворянских. Достаточно характерной в этом отношении была позиция ряда министров народного просвещения, которых именовали «реакционерами» и «душителями просвещения» только за то, что они не разделяли либеральных или социалистических воззрений.

С появлением во второй половине XIX в. политических организаций — от анархических и террористических до крайне националистических, прикрывавшихся государственными интересами, — дворяне стали активно определяться со своими политическими пристрастиями, что отнюдь не способствовало единению сословия. Рассматривая деятельность политических партий в России, важно иметь в виду, что все они являлись противниками существовавшего государственного строя, о чем наглядно свидетельствуют их политические программы, в том числе и разделы, посвященные образованию.

Превращаясь в партийных политических деятелей, дворяне переставали видеть свое назначение в служении государству, они теперь решали узкопартийные задачи: член партии должен либо выполнять ее решения, либо покинуть ее. Естественно, при этом дворяне постепенно отходили и от традиций своего сословия.

Таблица 5

**Требования по вопросам образования
руководителей ведущих
политических партий (1906 г.)**

Политические партии	Руководители партий, социальное положение, государственная должность	Образование руководителей	Требования в отношении образования
РСДРП (б)	В.И. Ульянов (1870–1924), из потомственных дворян (с 1874)	Экстерном юридический ф-т Санкт-Петербургского университета (1891)	«Отделение церкви от государства и школы от церкви; всеобщее даровое и обязательное до 16 лет образование; право населения получить образование на родном языке, обеспечиваемое созданием на счет государства и органов самоуправления необходимых для этого школ» [6. С. 421]
Трудовая народно-социалистическая партия	Н.Ф. Анненский (1843–1912), из потомственных дворян. Статистик МПС, литератор	Омский кадетский корпус (1859)	«Обязательное образование в начальной народной школе на родном языке учащихся; автономия учебных заведений; свобода частной и общественной инициативы в области школьного и внешкольного образования; свобода преподавания; широкое развитие профессионального и специального образования» [19. С. 13–14]

Политические партии	Руководители партий, социальное положение, государственная должность	Образование руководителей	Требования в отношении образования
«Конституционные демократы»	П.Н. Милоков (1859–1943), из потомственных дворян. Преподаватель частных учебных заведений, член ГД 3-го и 4-го созывов	Историко-филологический факультет Московского университета (1882)	«Введение всеобщего, бесплатного и обязательного обучения в начальной школе. Свобода частной и общественной инициативы в открытии и организации учебных заведений всех типов и в области внешкольного просвещения; свобода преподавания. Полная автономия и свобода преподавания в университетах и других высших школах, увеличение их числа. Развитие профессионального образования. Между различными ступенями школ всех разрядов должна быть установлена прямая связь для облегчения перехода от нижней ступени к высшей» [50. С. 48–49]
	В. А. Маклаков (1869–1957), из потомственных дворян. Присяжный поверенный Московской судебной палаты, член Государственной Думы 2-го, 3-го и 4-го созывов	Экстерном юридический факультет Московского университета (1895)	
Партия мирного обновления	П.А. фон Гейден (1840–1907), из потомственных дворян. Председатель ВЭО (в ведении МВД и Главного управления землевладения и государственного имущества), член Государственной Думы 1-го и 2-го созывов	Пажеский корпус (1858)	«Начальное обучение должно стать всеобщим, бесплатным и обязательным. Должен быть предоставлен широкий простор почину частных лиц и общественных учреждений в открытии и устройстве учебных заведений всех типов. Стеснения к поступлению в государственную и общественную школу, связанные с происхождением и верой, подлежат отмене. Высшие учебные заведения должны быть организованы на началах широкой автономии и академической свободы; доступ в них женщинам должен быть свободен» [50. С. 56–67]
	Д.Н. Шипов (1851–1920), из потомственных дворян. Председатель Московской губернской земской управы (в ведении МВД), член Государственного совета, Государственной Думы 1-го созыва, Московской городской думы	Пажеский корпус (1872)	
«Союз 17 октября»	А.И. Гучков* (1862–1936), из потомственных дворян. Член Московской городской думы, Член Государственного совета, член Государственной Думы 3-го и 4-го созывов	Историко-филологический факультет Московского университета (1886)	«Осуществление всеобщего начального обучения. Предоставление самой широкой свободы частной и общественной инициативы в делах открытия и содержания учебных заведений. Пересмотр программ в целях их упрощения и приближения к потребностям жизни. Прямая ответственность между различными ступенями школ». [39. С. 103]
	В.Н. Львов (1872–1930), из потомственных дворян. Губернская земская управа, член Государственной Думы 3-го и 4-го созывов	Историко-филологический факультет Московского университета	
«Союз русского народа»	А.И. Дубровин (1855–1921), из потомственных дворян. Военный врач, врач ряда учебных заведений	Петербургская медико-хирургическая академия (1879)	«Бесплатное народное всеобщее образование, главным образом земледельческое и ремесленное. Школа кроме образования должна давать и надлежащее воспитание... Школа — низшая, средняя и высшая — воспитывала бы юношество в духе Православных христианских начал: любви к Царю, Отечеству и преданности долгу, и чтобы школа была вполне национально русскою» [43]

То, что во главе партий стояли дворяне, вполне закономерно, поскольку их происхождение и служебное положение давали больше возможностей продвижения, чем у представителей других сословий. Из табл. 5 видно, что политические предпочтения и образовательные приоритеты лидеров партий не связаны напрямую с характером учебных заведений, которые они окончили.

В целом дворяне — руководители всех политических партий, имевших в программах разделы по народному образованию (на 1906 г. — более 20), считали, что система образования в России должна строиться на основе следующих норм: обязательное начальное государственное образование для всего населения (большинство дворян получали начальное образование дома); децентрализованный характер системы образования; свобода в форме и содержании преподаваемых учебных курсов; предпочтение профессиональному образованию перед классическим; преподавание повсеместно на родном (национальном) языке, что предполагало однонациональный состав учащихся [49]. Эти кажущиеся сегодня очевидными предложения в начале XX в. были далеко не однозначны. В условиях революционного террора против представителей государственной власти и значительного числа деятелей образования, политической агитации в учебных заведениях (в том числе и с кафедр) за неповиновение властям, нежелания молодежи учиться как следствия ложно понимаемой свободы реализовать эти требования значило усилить недовольство правительством в обществе. Как показали дальнейшие события, активное проведение в жизнь в сложных условиях начала XX в. образовательных требований политических партий привело лишь к новым потрясениям в российском обществе и школе.

События февраля 1917 г., когда виднейшие представители дворянства выступили против государственной власти, которой присягали [42. С. 56; 63. С. 63], наглядно свидетельствовали о коренном изменении их ценностных ориентаций и размывании представлений о назначении дворянского сословия. Например, председатель дворянского Земского союза князь Г. Е. Львов возглавил Временное правительство, а затем потомственный дворянин В. И. Ульянов — рабоче-крестьянское. Октябрьская революция уничтожила дворянское землевладение по «Декрету о земле» от 26 октября 1917 г., а 10 (23) ноября 1917 г. был принят декрет ЦИК и СНК «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» [9. С. 72]. Вслед за этими и рядом других решений началось претворение в жизнь идей построения нового общества и внедрения новых образовательных ценностей.

Значительная часть дворян на рубеже веков были противниками активной деятельности представителей дворянства в составе политических партий, они создали организацию «Объединенное дворянство» (1906–1917). В качестве коллективных членов в нее входили губернские дворянские собрания. На ежегодных съездах дворянства в центре внимания всегда находились проблемы образования,

разрабатывались целые программы для Министерства народного просвещения, носившие рекомендательный характер. Интересно сопоставить их с названными выше требованиями дворян — руководителей политических партий. Например, в 1911–1912 гг. «Объединенное дворянство» выдвинуло следующие предложения: «Первенствующей задачей школы, помимо образования, должно стать утверждение в народе религиозно-нравственных, патриотических и национальных начал... школе прежде всего необходим исповедующий такие воззрения учитель» [22. С. 631]; «желательно усиление роли Попечителей и Министра... необходимо повсеместно увеличивать число инспекторов уездных училищных советов, в начальных школах подлежит сообщать ученикам соответствующие местным условиям прикладные знания... из трехклассного или четырехклассного училища, соответствовавшего низшим классам гимназии, должен быть свободный доступ в технические средние учебные заведения и к экзаменам в высшие классы гимназии... закрыть доступ в университет лицам, окончившим гимназии и которые по своему нравственному и политическому укладу не соответствуют переходу в высшую школу» [23. С. 255–256, 258]. В то же время по ряду позиций у членов «Объединенного дворянства» существовал значительный разброс мнений: от вполне здравых и реалистичных до шовинистических и экстремистских. К последним, например, относились предложения известных Н.Е. Маркова и В.М. Пуришкевича о превращении школ всех ступеней в «национально-русские» [23. С. 249–254; 44; 45]. Характерно, что, противопоставляя себя всему спектру политических партий (кроме СРН), представители «Объединенного дворянства» выдвигали по ряду направлений схожие с их требованиями предложения. К их числу, например, относилось убеждение в важности строгой преемственности учебных заведений всех ступеней и широкой общественной инициативы в открытии школ [22. С. 616–619].

В целом анализ предложений «Объединенного дворянства» в области образования позволяет выделить следующие образовательные приоритеты большинства представителей дворянских собраний в России:

- запрещение участия преподавательского состава и учащихся в политических акциях на территории учебных заведений (судя по всему, это требование на «Союз русского народа» и родственные ему организации не распространялось);
- укрепление централизации в управлении учебной деятельностью при усилении общественных начал в организации учебных заведений;
- повышение внимания к подготовке учителя, с тем чтобы обеспечить его дистанцирование от современных политических учений и идей;
- обеспечение преемственности между различными типами учебных заведений;

- усиление профессионализации начального и среднего образования [22. С. 303–309, 362–380, 631, 637–640; 23. С. 42–113, 254–260].

Наконец, еще одну достаточно многочисленную группу составляли дворяне — государственные деятели, не отождествлявшие себя ни с одной из политических группировок или партий. Наиболее показательными представляются в этом отношении взгляды и деятельность министров народного просвещения, проводивших ряд реформ в российском образовании в последней четверти XIX — начале XX в. К их числу можно отнести, например, Д.А. Толстого, И.Д. Делянова, Л.А. Кассо, которые неоднократно подчеркивали приоритет общегосударственных задач в области образования перед интересами отдельного сословия, что отражало их жизненную и служебную позицию³.

Граф Дмитрий Андреевич Толстой (1823–1889) — из потомственных дворян. После окончания с золотой медалью Царско-сельского лицея служил в Управлении учебных заведений Ведомства учреждений императрицы Марии, а затем в Министерстве внутренних дел. Как обер-прокурор Святейшего правительствующего синода (с 1865 г.) провел реформу духовных учебных заведений (1867–1869). С 1882 г. являлся президентом Императорской академии наук. В должности управляющего Департаментом народного просвещения, а затем министра народного просвещения (1866–1880) подготовил и провел реформу среднего образования (1871), в основу содержания которого были положены классические программы. В то же время министр уделял внимание и реальному образованию: реальные гимназии были преобразованы в реальные училища. В отношении последних Д. А. Толстой отмечал: «По убеждению Министерства народного просвещения, задача реального училища должна заключаться в доставлении учащимся общего образования, применяемого к практическим целям, смотря по разнообразным потребностям различных местностей... Реальные училища призваны дать общее образование, более обширное и основательное, нежели существующие реальные гимназии. Они будут с различными отделениями, начиная с 5-го класса, причем выбор того или другого из этих отделений зависел бы от воли родителей, наклонностей их детей и потребностей тех и других» [62. С. 148, 164]. Под руководством Д.А. Толстого в 1872 г. издано Положение о городских училищах, в 1874-м — Положение о начальных училищах, для надзора за которыми еще в 1869 г. были учреждены должности инспекторов народных училищ. Был открыт ряд новых высших учебных заведений, среди которых, например, Высшие женские курсы в Москве (1872). Д.А. Толстым с 1863 г. разрабатывался университетский устав, в соответствии с которым усиливалась роль попечителей учебных округов и министра, с ко-

³ Автор не считает возможным опираться на сложившиеся историографические штампы: «либеральное», «буржуазно-демократическое», «консервативное», «реакционно-охранительное» и прочие направления.

торыми совет университета должен был согласовывать кандидатуры ректоров и деканов. Устав ориентировал на усиление свободы в преподавании учебных дисциплин при повышении личной ответственности преподавательского состава за результат научной и учебной деятельности студентов, предусматривал увеличение времени, отводимого на участие студентов в научной деятельности университетов [8. С. 5–67; 62]. Однако повсеместное проведение в жизнь этого устава началось в 1884 г. и выпало на долю уже другого министра — И.Д. Делянова.

Граф Иван Давидович Делянов (1818–1897) — из потомственных дворян. Окончил первым из выпуска юридический факультет Императорского Московского университета. Уже с 1858 г., когда И.Д. Делянов был назначен попечителем Санкт-Петербургского учебного округа, его деятельность была связана с образованием. В следующие годы он — почетный член Императорской академии наук, товарищ министра народного просвещения, директор Императорской публичной библиотеки, главноуправляющий Ведомства учреждений императрицы Марии. И.Д. Делянову постоянно приходилось совмещать работу в нескольких должностях. Возложенная на него ответственность свидетельствовала о высоком доверии к нему как к компетентному государственному деятелю в области науки и образования. В 1882 г. он был назначен на должность министра народного просвещения. Под личным руководством И.Д. Делянова были осуществлены: организация большого числа новых высших женских курсов в стране и увеличение срока обучения на них при сохранении государственного надзора за их деятельностью; доработка и введение нового Университетского устава; разработка и введение Положения о средних и низших технических учебных заведениях; открытие университета в Томске и ряда высших технических учебных заведений; усиление централизации управления образованием на окраинных территориях страны.

Образовательные приоритеты графа И.Д. Делянова достаточно наглядно проявились в его небольшой беседе с журналистом А.В. Эвальдом (1893):

«Э.: Многие в нашем обществе боятся классического образования и находят, что оно отжило свое время и должно быть заменено реальным. Почему наше Министерство Народного Просвещения отдает большее преимущество классическому образованию перед реальным?»

Д.: ...Задача воспитания заключается не в том, чтобы приготовить техника, инженера, механика или химика, а в том, чтобы приготовить человека вообще... Задача нашего Министерства, как показывает само название, состоит вообще в просвещении народа... Смотри на образование народа с государственной точки зрения, мы не имеем права ломать созданное опытом многих поколений и многих стран...

Э.: Однако не только гимназисты, но и студенты, окончившие даже блистательно свой курс, быстро забывают и латинский, и греческий языки и ни к чему их не применяют в своей жизни.

Д.: Это обычное возражение против классического образования. Но кто в этом виноват, как не сами родители? Ребенку с самых малых лет твердят, что он должен хорошо учиться, чтобы получать хорошие баллы, а хорошие баллы надо получать для того, чтобы потом получить хорошее, то есть выгодное, место. Дети сызмала пропитываются этим грубым материальным расчетом и в таком духе готовят свои уроки. Много ли вы найдете родителей, которые скажут своим детям: учитесь, чтобы знать, и не думайте о выгодных местах? Другое же состоит в том, что задача классического воспитания заключается не в передаче знания языков, а в развитии мыслительных способностей ученика. Пусть он потом и забудет языки, это неважно, но, изучая древних писателей, он приобретает способность мыслить, а в достижении этого и заключается главная задача воспитания. Древние писатели оставили такие высокие образцы во многих родах произведений, каких не могли достигнуть новейшие» [67. С. 941–943].

Своего рода итогом деятельности И.Д. Делянова стали результаты работы созданной по его инициативе Комиссии по преобразованиям в средней школе (1888–1889) под председательством товарища министра князя М.С. Волконского, в которую вошли чиновники, ученые, преподаватели средней и начальной школы. Комиссия доработала и уточнила ряд интересных предложений, внесенных И.Д. Деляновым: сокращение учебных программ классической гимназии путем исключения излишней детализации; пересмотр и замена ряда учебных пособий в соответствии с требованиями учебных программ; изменение характера домашних заданий; предоставление учащимся в учебных заведениях свободного времени для занятий гимнастикой, рисованием и музыкой; проведение литературных бесед с учащимися; усиление внимания к институту классовых наставников и их роли в воспитании учащихся [26. С. 645–647]. Эти предложения были частично реализованы в 1890 и 1894 гг. Дальнейшее их осуществление происходило уже в начале XX в. при министре народного просвещения Л.А. Кассо.

Лев Аристович Кассо (1865–1914) — из потомственных дворян. Учился в Высшей школе права в Париже, на юридических факультетах Гейдельбергского и Берлинского университетов. В последнем в 24-летнем возрасте защитил докторскую диссертацию по праву. В России защитил магистерскую диссертацию в Харьковском университете и докторскую — в Киевском. Признанный в Европе специалист по истории и теории гражданского права, Л.А. Кассо являлся профессором Московского университета и директором Императорского лицея памяти цесаревича Николая. В 1911 г. был назначен на должность министра народного просвещения.

Одним из важнейших направлений деятельности министерства под руководством Л.А. Кассо стало издание новых учебных планов, программ и учебных пособий для средних учебных заведений, в которых более подробно, чем ранее, раскрывалось содержание учебного материала и требования к его освоению. Предлагались беседы с учащимися на исторические и литературные темы. В то же время программы и учебники были освобождены от чрезмерной детализации в изложении учебного материала, прежде всего это касалось гуманитарных дисциплин [13. С. 465–480; 60. С. 3–15]. Другим направлением деятельности было усиление государственного надзора за деятельностью учебных заведений, например согласование с попечителем и министром кандидатур на занятие вакантных преподавательских мест и запрет на деятельность в стенах учебных заведений политических организаций и собраний. Подобные меры во многом были обусловлены обстановкой в стране и использовались политическими партиями в своих целях [56. С. 68–115]. В связи с этим показателен случай с отставками руководства Московского университета, принятыми Л.А. Кассо в 1911 г. и последовавшими в результате входа в здание университета чинов полиции. Вслед за руководством подал прошения об отставке 21 профессор университета, в основном члены кадетской партии, как и ректор А.А. Мануйлов [56. С. 109–111]. В отношении этого инцидента можно заметить, что если вместо занятий студенты устраивают политические сходки, а в лабораториях университета изготавливают взрывчатку для террористической деятельности, то вряд ли решение министра о проверке вуза полицией можно считать несправедливым⁴, а следовавший протестный уход около 20 известных профессоров расценивать иначе, чем как явное политиканство.

Таким образом, отличительные черты государственной деятельности упомянутых министров народного просвещения и их образовательных приоритетов могут быть охарактеризованы следующим образом:

- усиление позиций министерства в управлении учебными заведениями при обеспечении свободы учащихся и преподавателей в вопросах учебной и научной деятельности;
- поддержка существующих и открытие новых женских учебных заведений при условии соблюдения ими государственных учебных программ;
- ориентация на классическое образование на всех его ступенях при выстраивании на его основе и параллельно с ним профессионального образования в соответствии с потребностями в конкретных специалистах различных территорий страны;

⁴ Проверка Московского университета последовала после того, как в Одесском университете при вызове полиции в химическую лабораторию на сходку студентов были убиты несколько чинов полиции. Следствие установило, что на территории университета составлялись и печатались антиправительственные прокламации и готовились террористические акты при пособничестве преподавательского состава.

- поддержка технического образования в стране и при этом недоверие к реальному (в широком смысле слова) образованию, с которым связывалось распространение новых социально-экономических учений. В реальном образовании видели не столько элемент общей системы учебных заведений, сколько особую, принципиально отличную от классической образовательную среду;
- представление о том, что задача учебных заведений заключается в передаче знаний и нравственных понятий, необходимых человеку для его дальнейшей службы обществу и государству;
- осознание невозможности введения всеобщего начального образования в сложных политических условиях начала XX в., несмотря на уже начавшуюся его реализацию.

Подводя итоги анализа различных течений в российском дворянстве последней четверти XIX — начала XX в., хотелось бы заметить, что дворяне — носители различных взглядов на развитие образования в стране учились подчас в одних учебных заведениях, у одних учителей, слушали один и тот же учебный материал, но при этом усвоили разные системы ценностей и норм, получили разные «плоды просвещения». Очевидно, что дело не только в том, что представляла собой система образования России и как она перестраивалась (или не перестраивалась) в ответ на социальные изменения в стране. В большей степени важно, какие в итоге она формировала ценностные нормы и ориентиры в обществе, и прежде всего у дворянства, представлявшего местную и центральную власть в России.

В целом на основании изложенного можно сделать ряд общих выводов:

- на всем протяжении XIX в. и в начале XX в. дворянство продолжало активно поставлять кадры для государственной службы, сохраняя свою монополию, и во многом влияло на политику правительства в области образования;
- в средних и высших учебных заведениях, дававших классическое образование, дворяне в последней четверти XIX — начале XX в. составляли большинство (свыше 50%) учащихся, при этом к дворянскому сословию принадлежало только около 2% населения России, что отражает значимость для дворянства этой формы получения образования;
- к началу XX в. стал очевиден процесс расслоения дворянского сословия, выразившийся в изменении интересов и ценностей у значительной части его представителей, в связи с чем была утрачена целостность самого сословия и его образовательных приоритетов. В российском дворянстве можно выделить по крайней мере три достаточно многочисленных группы, каждая из которых имела свои предпочтения в области образования;

Литература

- правительство, представленное в основном потомственными дворянами, старалось опираться на собственное сословие, поддерживая классическое образование, ориентированное на дальнейшую государственную службу. При этом для значительной части дворян, особенно в пореформенный период, на первый план вышли интересы укрепления собственного благополучия, а не поддержка инициатив правительства. Лишь незначительная часть дворян, верная традициям своего сословия, стремилась службой государству, в том числе на уровне образования, содействовать мирному развитию страны в сложных условиях начала XX в.
1. Абаза М.А. Отчего поместное дворянство разорилось и оскудело и можно ли его поднять и оживить. СПб., 1896.
 2. Беккер С. Миф о русском дворянстве. Дворянство и привилегии последнего периода императорской России. М., 2004.
 3. Боханов А.Н. Крупная буржуазия России (конец XIX в. – 1914 г.). М., 1992.
 4. Витте С.Ю. Собрание сочинений и документальных материалов: в 5 т. Т. 1. М., 2002.
 5. Воробьева А.Ю. Кадетские корпуса в России в 1732–1917 гг. М., 2003.
 6. Второй съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959.
 7. Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства. 21 апреля 1785 г. СПб., 1785.
 8. Граф Дмитрий Андреевич Толстой. СПб., 1889.
 9. Декреты Советской власти. М., 1957.
 10. Днепров Э.Д. Кризис общего среднего образования в конце XIX века (по материалам Особого совещания по делам дворянского сословия) // Вопросы образования. 2008. № 4. С. 238–253.
 11. Достоевский Ф.М. Записная тетрадь 1872–1875 гг. // Литературное наследство. Т. 83. М., 1971.
 12. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978.
 13. Кассо Л.А. Некролог // Исторический вестник. 1915. № 1.
 14. Кашкаров И. Какова должна быть служба дворянства царю и народу? // Гражданин. 1885. 19 мая. № 39.
 15. Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. 1861–1904 гг. М., 1979.
 16. Кузнецов О.В. Р.А. Фадеев: генерал и публицист. Волгоград, 1998.
 17. Материалы по школьному образованию в России (за 1903 г.). СПб., 1906.
 18. Мещерский В.П. Речи консерватора. Вып. 2. СПб., 1876.
 19. Народно-социалистическое обозрение. 1906. Вып. 1.
 20. Новгородский дворянин и землевладелец. Безземельные дворяне // Гражданин. 1890. 9 января. № 9.
 21. Обзор деятельности ведомства Министерства народного просвещения с 1881 по 1894 г. СПб., 1901. Приложения.
 22. Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. Т. 2. Кн. 1. М., 2001.
 23. Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. Т. 2. Кн. 2. М., 2001.

24. Оноприенко И.Г. Изменение социально-экономического статуса дворянского сословия в пореформенный период (на примере Центрального Черноземья) / Научные ведомости Белгородского государственного университета. № 1 (32). Белгород, 2007.
25. Оссовская М. Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали. М., 1987.
26. Памяти графа Делянова // Исторический вестник. 1898. Т. 71.
27. Памятники русского права. Вып. III. М., 1955.
28. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. Т. 1. Общий свод по Империи. Табл. VIII. СПб., 1905.
29. Пирумова Н. М. Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX века. М., 1977.
30. Полное собрание законов Российской Империи. 3-е изд. Т. 10. Отд. 1. № 6927. СПб., 1890.
31. Полное собрание законов Российской Империи. 3-е изд. Т. 5. № 2882. СПб., 1885.
32. Полное собрание законов Российской Империи. 2-е изд. Т. 39. Отд. 1. № 40457. СПб., 1868.
33. Полное собрание законов Российской Империи. 2-е изд. Т. 49. Отд. 1. № 52983. Ст. 81; № 53574. Ст. 27. СПб., 1878.
34. Полное собрание законов Российской Империи. Т. VI. СПб., 1830.
35. Полное собрание законов Российской Империи. Т. XV. № 11444. СПб., 1830.
36. Полное собрание законов Российской Империи. Т. XXIX. СПб., 1830.
37. Полное собрание законов Российской Империи. Т. XXXI. СПб., 1830.
38. Полное собрание законов Российской Империи. Т. XXXVIII. СПб., 1830.
39. Полный сборник платформ всех русских политических партий. СПб., 1906.
40. Правда Русская. Т. 1. М.–Л., 1940. С. 89–457.
41. Приговор царский о кормлениях и о службе // Полное собрание русских летописей. Т. XIII. СПб., 1901.
42. Присяга на верноподданство Государю Императору // Свод законов Российской Империи. Т. 1. Ч. 4.1. СПб., 1857. Приложение 5.
43. Программа Союза русского народа // Почаевский листок. 1906. Сентябрь. № 38 (№ 7).
44. Проект Устава Лиги образования РНСМА. СПб., 1908.
45. Пуришкевич В.М. Чем вызвано к жизни Всероссийское Филаретовское общество народного образования. СПб., 1914.
46. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. А. Г. Маньков. М., Юридическая литература, 1986.
47. РГИА. Ф. 571. Оп. 9. Дд. 9, 20, 30–36, 40, 49–51, 53.
48. Сборник законов о российском дворянстве / сост. Г. Блосфельдт. СПб., 1901.
49. Сборник программ политических партий в России / под ред. В.В. Водовозова. Вып. I–VI. СПб.: Наша жизнь, 1906.
50. Сборник программ политических партий в России / под ред. В.В. Водовозова. Вып. V. СПб., 1906.

51. Сборник справочных сведений по Министерству народного просвещения за 1862–1864 гг. СПб., 1864.
52. Соборное уложение 1649 года. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961.
53. Собрание законов Российской Империи. Т. 9. СПб., 1899.
54. Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л., 1973.
55. Союз землевладельцев // Гражданин. 1905. 14 августа. № 64.
56. Сперанский Н. Кризис русской школы. М., 1914.
57. Статистические таблицы Российской Империи, изданные по распоряжению Министра внутренних дел Центральным статистическим комитетом. Вып. 2. Наличное население империи за 1858 г. СПб., 1863.
58. Столетие Московской 1-й гимназии. 1804–1904 гг. Краткий исторический очерк / сост. И. Гобза. М.: Синод. тип., 1903.
59. Судебники XV–XVI вв., М.-Л., 1952. С. 13–108.
60. Таубе М.А. Л.А. Кассо. Пг., 1915.
61. Терпигорев С.Н. Оскудение. Очерки помещичьего разорения. СПб., 1881.
62. Толстой Д.А. Речи и статьи. К вопросу о реальных училищах. СПб., 1876.
63. Торжественное обещание членов Государственной Думы // Свод законов Российской Империи. Т. 1. Ч. 2.3. СПб., 1912. Приложение 1.
64. Университеты и средние учебные заведения по переписи 20 марта 1880 г. СПб.: ЦСК МВД, 1888.
65. Утро России. 1912. 10 мая.
66. Фадеев Р.А. Русское общество в настоящем и будущем. СПб., 1874.
67. Эвальд А.В. Воспоминания о графе И.Д. Делянове // Исторический вестник. Т. 71. 1898.